

У славы два лица

Моск. правда. 2002. - 30 марта.

МЕДНЫЕ ТРУБЫ

С.4

редаче плачут и говорят, как они несчастны. А я, какая бы несчастная ни была, не хочу об этом говорить. Это то, что трогать не надо. А обо мне узнала вся страна.

Потом все мои коллеги и друзья были в недоумении: зачем ты своей жизнью отработала на кого-то. В конце концов я могла бы сесть и сама написать книгу.

- Но без интереса публики нет актера?

- Востребованность - это для актера самое важное. Счастье, когда на тебя есть спрос. Сейчас режиссер ничто по сравнению с востребованностью у публики. Даже в плохом спектакле люди идут на имя - так диктует время (к сожалению, некоторые режиссеры до сих пор этого не могут понять и все еще занимаются самовыражением).

- Но вы же не можете не понимать, что большинство людей так устроены, что в известном человеке их интересует именно его частная жизнь.

- В этом случае я попрошу у зрителей прощения, но им не надо знать, чем я подпитываюсь, наполняя роль. И хотя я прекрасно понимаю, что после каждого спектакля дай Бог, чтобы большинство публики хоть десять минут говорило о пьесе и игре актеров, и лишь затем снова о том, в чем я хожу, как живу. И их очень устраивает, что я, оказываюсь, так же несчастна, как и любая из женщин в вагоне метро. И это по-человечески понятно. Но я все-таки всегда бегаю от таких журналов, как «Семь дней», - им нужно ведь знать исключительно, какой у меня чайник, как мы с детьми сидим за столом, и что на этом столе накрыто. А потом все рассматривают именно это. И именно этот интерес сознательно подогревается.

Да, жизнь человека в славе всегда интересна. И мне в том числе. Но когда я читаю книги воспоминаний Сары Бернар или Раневской, я не вижу в этом сплетен - ведь это не чей-то взгляд, они пишут сами. В таком интересе нет подглядывания в щелку.

- Говорят, в скором времени появится федеральный закон о защите частной жизни. Вот вы от чего бы хотели быть защищенной?

- От того, что может дискредитировать актера. Так, в газете «Спид-инфо» я однажды оказалась на обложке, извините, без трусов! То есть мою голову подмонтировали к чужому голому телу и пририсовали, как в комиксах, какие-то реплики.

И я ничего тогда не сделала, потому что понимала, что бессильна! Судиться с ними? Да они на это ведь и рассчитывали - я увижу обложку, подам в суд, а они потом в каждом номере будут освещать ход процесса, и газета будет существовать дальше! У меня нет ни времени, ни сил бороться в одиночку с таким оскорблением. Но это действительно оскорбление - ведь это видят мои друзья, и мои дети, наконец! Дочке тогда было лет двенадцать, она ходила в школу - как-то ей было, когда одноклассники рассматривали ее маму в таком виде?

- То, что вас узнают на улице - это понятно. А как, с вашей точки зрения, должны при этом вести себя ваши поклонники: глядя насквозь, пройти мимо, или спешить брать автограф, или просто поздороваться?

- По-моему, поздороваться - это самая нормальная человеческая реакция. Такое узнавание приятно. Приятно и понятно, когда люди просят автограф или даже поздороваются за руку...

- Не боитесь, что все руками хватать начнут?

- Боюсь другого - когда постоянно, лишь вхожу в квартиру, сразу раздастся телефонный звонок, и кто-то молчит.

- Поклонник, видно...

- Если и поклонник, то сумасшедший. Это значит, человек постоянно следит за квартирой... И что мне делать - нанимать охрану? А когда за мной по улице бегут и в спину обсуждают: она? не она?

В общем, живу, как героиня детской сказки про мельника, мальчика и осла - что бы ты ни делал, толпа кричит: «Не так!». Одеваешься нарядно - говорят: «Ишь, расфуфырилась!», а если неброско: «Что это она так плохо выглядит?». Накрасишься, из-за спины слышишь: «Думает, губы нарасила, и - звезда!», отложишь косметику в сторону: «Боже, какая страшная, хоть бы губы нарасила!» Так что я уж решила: какая есть, такая есть!..

- Последний раз, когда мы с вами встречались, вы репетировали роль Марии Каллас. Что нового в творческой жизни?

- Чуть было не поступила на работу в один из самых популярных московских театров - его очень (очень!) известный главный режиссер оборвал мне телефон: мол, как ТАКАЯ актриса и без театра? Но не сложилось: говорят, после художества театральные примы воспротивились моему приходу. Я все могу понять, кроме одного: настойчивый главный режиссер тут же пропал. Обиды у меня не осталось - все равно в ближайшее время ни в одном из театров я работать не собиралась, но, казалось бы, приличное воспитание требует последнего звонка. Ну позвони он мне еще раз и скажи: прости, мол, я сам в тисках!.. Да я бы ему только благодарна была - за то, что попытался, за само предложение. А так...

Так что новое - это спектакль «Трактирщица». В нем собрались очень хорошие актеры, работать интересно.

- А в кино?

- В кино (долго я терпела и все-таки сдалась!) - роль в сериале «За кулисами». Оказалось, самое сложное в этой работе - это выучивать в день по три страницы текста. Но это даже не кино - какая-то другая профессия.

- Так стоит ли актерская популярность тех неудобств, что с ней связаны?

- Профессия актера настолько зависима - ото всех! - что никто, даже самые востребованные, не могут чувствовать себя абсолютно уверенно. А сколько актеров откровенно бедствуют, стараясь и умирают в нищете? Они неблагополучны, как и миллионы их сограждан, только при этом их неблагополучие и неустойчивость видны всем. И каждый может это обсуждать и комментировать...

- А если бы можно было выбирать: популярность (а значит, назойливые и беспринципные журналисты и сумасшедшие поклонники) или безвестность, но абсолютно приватная, тихая и неприкосновенная личная жизнь, - вы что выбрали бы?

- Первое.

Беседовала
Мария ТРОФИМОВА.

«Вообще-то слово «слава» я не люблю, - говорит народная артистка России, лауреат премий «Кумир», «Ника» и «Кинотавр» Татьяна Васильева. - Вот у Гагарина, например, это да - была слава: он совершил то, чего до него не мог никто. Можно удвоить, утроить сделанное другими и приобрести популярность, но это не слава. Я иногда даже мечтаю сделать что-то такое - выдающееся - чтобы понять: что же она такое?»

...Что ж, тогда заменим слово «слава» на «популярность» и поговорим о том, чем за нее приходится расплачиваться.

- С одной стороны, когда тебя все знают - это удобно. Мне, например, торговцы не подсовывают гнилых продуктов. А когда я звоню в ЖЭК, чтобы вызвать электрика или сантехника, он, как правило, приходит очень не скоро, поэтому приходится называть себя, и тогда уже через полсекунды он стоит у моих дверей... В общем, ничего нового я тут не скажу - так уж устроена наша жизнь.

Но ведь тебя узнают и тогда, когда этого не хочешь. У меня вот, например, нет машины, и я каждое утро спускаюсь в метро, чтобы доехать до тренажерного зала. Правда, в это время все едут сонные, погруженные в себя, да и я стараюсь одеться как-то поудачнее - платки, очки, капюшоны - не потому, что я вся такая «майкл джексон», просто не хочется лишний раз напрягаться. И все равно, бывает, начинают разглядывать, шушу-

каться. Они даже могут не вспомнить мою фамилию, просто понимают, что они где-то ЭТО видели. И это неприятное ощущение. Но ведь если совсем не узнают - это гораздо хуже, а неудобства, связанные с известностью, - что ж! - это приложение к профессии. Но это и закаляет.

- Так где грань между естественным интересом публики к известной персоне и вмешательством в частную жизнь?

- Для меня это моя личная жизнь. В свое время я сделала большую ошибку, согласившись участвовать в программе «Женские истории». Это было уже даже не вмешательство в личную жизнь, а настоящее внедрение в твои печенки. Я, видимо, попала в ту же ловушку, что и другие героини этой передачи: когда тебя окунают во всю твою прошлую жизнь, и ты уже не можешь остановиться, на тебя нахлынут воспоминания, ты заводишься... Это, в общем, очень продуманная акция. И все женщины в этой пе-